

- Хината-онэ-чан - с днем рождения!

Хьюга Ханаби воодушевленно хлопала в ладоши. Она была рада провести этот день с обожаемой сестрой Хинатой. Вторую же сестру, сидевшую за праздничным столом, малышка не замечала.

Из-за постоянных тренировок старшей наследницы, маленькая химе вынуждена была довольствоваться краткими встречами. Общение с Хинатой ограничивалось обещаниями и ожиданиями. Более близкое знакомство со второй сестрой упиралось в непонимание малышки.

Ханаби думала, что блондинка игнорирует её и не хочет говорить. Хитоми казалось странной и пугающе пустой. Со временем Ханаби начала чувствовать себя более разумной и самостоятельной, что не способствовало авторитету средней наследнице. Сравнивая Хинату с Хитоми, Ханаби видела в первой идеал, а во второй - бесполезность. Восхищаясь Хинатой, шатенка часами подглядывала за тренировками, в то время как приход к Хитоми граничил с кражей времени у Хинаты. Из-за чего росло недовольство, заставляя Ханаби дуться.

Хьюга Хитоми видела, как младшая сестра сторонилась ее общества, но она хотя бы приходила... В первую очередь, она думала поправиться. Остальное, как бы эгоистично не звучало, было не важно! Время жестоко крутило стрелки вперед, а понятие нормальности еще было слишком далеко. С того дня химе физически и морально истощала себя. В момент наивысшей точки напряжения (именно тогда появляется мысль: сдать!) она пересилила себя.

Ох, как встревожились ирьенины. Ох, сколько всего хорошего она узнала о себе от Хотару-сама. Принцесса перестаралась, но это стоило того. В конце первого месяца после пробуждения, девочка начала замечать явные успехи.

Вначале второго месяца, отключили всевозможные приборы жизнеобеспечения. Могли и раньше, только медики предсказывали смертельный сон из-за мазохистских наклонностей химе. Отдельное внимание девочка уделила пищевому зонту. Весьма неприятная процедура по извлечению, но терпимая. Так как она смогла снова двигать челюстью, то смогла и питаться естественным путем. Теперь её с определенным нежеланием кормили с ложечки. Почему с нежеланием? Как иначе, если роль персональной няньки досталась Жине Хьюга. Хитоми не представляла причину наточенных зубов девушки, но собиралась разобраться в свое время.

Тело стало более охотно двигаться, что устранило такие неудобства как переносной санузел. Хоть ходить Хитоми не могла, а руки еще были слабы - она стала говорить и возвращать лицо цивилизованного человека. Радость от ломанного слова; радость от результата в движениях; радость от принятие пищи, - заставили не раз пролиться слезам счастья с туманно-голубого бьякугана. Она знала, что боль не напрасна, хотя ирьенины не переставали диву даваться выздоровлению. Как же! До нормального человека, она была далека как до Плутона, что постоянно и говорила Старейшине медицины всего клана. Парадоксально, что старушка становилась ближе девочке-калеке, чем родная семья. За исключением, пожалуй, Хинаты.

Пять месяцев ушло для восстановления элементарной моторики, сложнее всего было в мелочах, да и сила изменяла ей. Хорошо, что после долгих практик она смогла говорить, что позволило так же приступить к упущенному образованию.

Глядя на небольшой праздничный стол, Хитоми впервые за долгое время улыбалась. Вот только, сколько она не тренировалась у зеркала, а лицевые мышцы кричали о неправильности. Но, как блондинка успела усвоить, дело наживное! Поэтому она старалась растягивать губы до

нужной точки.

Настрой навис специфический... Хитоми волновало, что на их празднике был малый круг родственников: Хината, Ханаби, Неджи и она. Так же по одному из взрослых представителей Хьюга, которые стояли над душой за их спинами. Посиделка больше склонялась к встрече неприятелей, за которыми наблюдают, чтобы они друг друга не поубивали. А ведь сегодня им с сестрой исполнялось по восемь лет.

Ханаби задорно хлопала в ладошки, не отрывая глаз от Хинаты, которой было приятно и неловко одновременно. Неджи упорно сливался с местностью и тихонько наблюдал за кузинами. Хитоми одобрительно улыбалась своей черноволосой сестренке, но сама чуть ежилась на своем троне-коляске. Ловить на себе равнодушные или жалеющие взгляды было тяжело. Отчего, помимо воли, девочка чувствовала себя виноватой за свое состояние. Чтобы отвлечься блондинка накрыла рукой ладошку сестры - кивнула головой на торт с зажжёнными свечами.

- Поздравлю, сестрёнка, - растянув губы в улыбке, Хитоми хотела передать всю теплоту, что грелась в сердце. А еще где-то внутри с любовью росла сила и желание защитить Хинату, защитить свою семью. Пусть явной опасности и не было... - Задуй свечи. - Тепло добавила серебряная химе.

Отстранившись от старшей наследницы, Хитоми почувствовала что-то теплое на своей руке. Переведя дымчатый бьякуган, девочка заметила руку Хинаты.

- Мы сделаем это вместе, Хитоми. С днем рождения! - тихонько проговорила брюнетка, неотпуская руку сестры.

- Да, - согласилась та.

Внутренний дискомфорт не покинул Хитоми, но ей определенно стало легче. Так, вместе, они и задули свечи и похлопали друг другу вместе с наблюдателями.

- Не честно, я тоже так хочу! Я тоже хочу задуть свечи с Хинатой-онэ-чан, - надулась Ханаби. Вскочив со своего места, мелочь быстро подбежала к старшей сестре и повисла на изгибе правой руки.

- Ханаби, - снисходительно посмотрела на сестру старшая наследница.

Хлопнув в ладоши, Хитоми привлекла к себе внимание.

- Почему бы и нет? Нацу-сан, зажгите свечи снова, пожалуйста.

- Госпожа Хитоми, вы балуете Ханаби. Сегодня Ваш праздник и госпожи Хинаты.

Легонько приподняв ладошку, бледная копия наследницы доброжелательно всмотрелась в члена побочной ветви. Хьюга Нацу невольно замолчала. Ребенок внушал жалость, но так же некий трепет. Нацу никогда не видела, что бы представитель главной ветви так смотрел на неё. По-другому, непривычно, неправильно.

- Нацу-сан, сделаем исключение, - медленно моргнув, Хитоми перевела взор на младшую сестру. - Ханаби, если хочешь, можешь залезть ко мне на коленки.

- Вот еще, - буркнула маленькая химе. Враждебно зыркнув на «бесполезную», шатенка сильнее

ухватилась за Хинату.

- Ханаби...

- Хината, ты не против? - не обратив внимание на высказывание маленькой заразы, беловолосая решила подсказать Хинате, что надо делать: - Не против устроить сестренку на своих коленках?

- Конечно. Давай Ханаби.

Повторное зажжение свечей, радостными бликами зажили в молочно-сером бьякугане шатенки. Придвинувшись к двум сестрам, Хитоми задорно скомандовала - на счет три они вместе задули свечи. Наблюдая за малышкой, Хитоми старалась не задевать её. Чем-то она раздражала её и была катализатором колючести. Вполне вероятно это из-за того, что Ханаби не могла принять её как сестру, а так же ревновала к старшей. Типичный детский эгоизм. Поэтому следовало исправлять эту ситуацию. Как говорит память: «Вода камень точит!»

Ханаби смеялась и хлопала в ладоши, демонстрируя свою радость, пока не зыркнула в сторону Хитоми. Обняв Хинату, это маленькая зараза с вызовом глядела на бледную копию сестры.

«Вот и заявление своего права!» - прыснув в кулачок, Хитоми посмотрела на окружающих. Обстановка разрядилась. Вот только кузен, что сидел напротив, сдвинул брови, отчего его глаза стали неприятно колючими.

Воспоминания о Неджи были светлые и чистые. Можно сказать, что для Хитоми он стал первым другом. Так почему его бьякуган пропитался злобой? От всплывающей картинки доброго взгляда и реальной ненависти у Хитоми закружилась голова. Прежде чем она осознала, что произошло, руки тяжело упали на стол, а дыхание участилось. Начинаясь приступ.

- Госпожа Хитоми, - взволновано слились голоса взрослых, а в отдаление послышался треск.

- Она устала. Ей надо отдохнуть, - строго констатировала Жина Хьюга. Хитоми почувствовала, как повело коляску назад, а воспоминания яркой пленкой проносились перед глазами.

- Стой, - резко выкрикнула больная, от чего все невольно замерли. Хината же обеспокоено смотрела на бледную сестру.

Хитоми потребовалась секунда, что бы упорядочить случившееся. Седые пряди волос, белоснежной шторой скрывавшие лицо, на солнце заиграли серебристыми нитями. Подняв голову, Хитоми устало посмотрела через плечо.

- Жина-чан, все в порядке. Давайте еще немного побудем здесь. - Движение коляски возобновилось. Почувствовав, что не в ту сторону, Хитоми добавила: - Пожалуйста...

Недовольно посмотрев на поверенную, Жина поддалась уговору. Колесный трон снова придвинулся к столу.

- Так, думаю, торт нас заждался, прошу всех к столу. - Постаралась, как прежде разрядить ситуацию Хитоми.

Кто-то хмыкнул. Подняв взгляд на Неджи, бледная химе постаралась передать взглядом понимание и теплоту, но встретилась все с тем же холодным клановым додзюцу. А через

секунду, ей показалось, что он разозлился еще больше.

Взрослые занялись делом. Нацу собирала осколки (оказывается Хитоми задела свою тарелку), Ко разливал чай; мужчина, который пришел с Неджи, резал торт; а Жина недовольно била пальцами по коляски, чем немного нервировала сидящую. Заметив, что взрослые собираются снова отстраниться, белокурая химе спросила, как само собой разумеющиеся:

- А почему вы не присаживаетесь?

Кузен, успевший отхлебнуть чаю, подавился и закашлял.

- Будь здоров, Неджи. - По привычки прошлой жизни бросила Хитоми, после снова обратилась к надзирателям: - Присоединяйтесь к нам!

- Да, присоединяйтесь, - поддержала затею сестры Хината.

- Да, - как-то сконфужено подчинились взрослые. Мигом принесли недостающие тарелки, да седалища.

Хитоми стала тихонько вскипать. Это какая должна быть дисциплина в клане или страх, чтобы побочная ветвь отстранялась от главной. Сидят, как натянутые струны - крутани гриф и лопнет. Схватившись за чашку обеими руками, Хитоми поднесла к носу испаряющийся аромат. Горячий запах с мятой коснулся ноздрей - девочка удовлетворенно улыбнулась, но глоток делать не спешила. Покручивая чашку, она грела руки.

Сам собой завязался разговор. Хитоми узнала, что мужчину с побочной ветви звали Сэберо. Он был один из многих, кто занимался делами клановых сирот, а сегодня, по случайности, сопровождал кузена. Ага, по случайности, как же.... Так и поверили! Чего не знаем того не знаем - придерживаемся официальной версии. Потом Хината рассказала немного про тренировки, Неджи даже пару раз вставил слово. За столом становилось если не жарко, то однозначно теплее.

Хитоми следила, слушала и анализировала. Потягивая чай, девочка старалась не упускать с рук остывшую чашку. Сладкое жуть как хотелось, но, по известной причине, с ложкой она управляться не могла. Мелкие предметы не задерживались в руках, зато более крупные вполне. Бабушка Хотару говорила, что восстановление мелкой моторики займет гораздо больше времени. Заметив, как личная сиделка потянулась к ложке, беловолосая принцесса слишком резко закрыла предмет рукой. Жина закатила глаза и вернулась к своему десерту. Глупо улыбнувшись затихшему столу, девочка звучно потянула чай. Нацу, спасительница, продолжила свой рассказ. После пару высказываний, которые по отдельности были бы неважны, а в сумме выходили в шутку, своеобразная компания позволила кому-то улыбнуться, кому-то посмеяться, кому-то пискнуть от радости. Переведя дух, Хитоми решила спросить:

- Хината-чан, ты не знаешь случайно, отец сегодня очень занят?

- Ну, - замялась сестра. Встревоженно сопоставив указательные пальцы, она ответила: - он всегда занят. Просто...

- Просто сейчас больше, чем обычно. - Спокойно закончила за сестру Хитоми. - Я понимаю. Все нормально.

Вот только слова сестры-близнеца не успокоили Хинату. Она вмиг стала чувствовать себя виновато. Брюнетка после каждой тренировки спрашивала: «Когда же он придет навестить

сестру?» В ответ: молчание, отговорка или, и того хуже, жестокость. Хитоми - позор для клана. Сломанная деталь, которая не могла больше приносить пользу клану Хьюга. Но Хината была не согласна...

- Да, - тихонько подтвердила брюнетка, а в слепых глазах зажглась дымка грусти.

- А как же дядя? Я так давно его не видела. Неджи-кун, прости, из-за нашего отца, твой наверно постоянно занят.

В который раз за сегодня повисла гнетущая пауза. Старшие Хьюга отреагировали каждый по-своему. Нацу приложила руку к губам, Сэберо мрачно уставился в тарелку, Жина повторила тот же трюк, вот только бьякуган активировался и как буд-то уничтожал сладость. Ко вовсе обеспокоенно взглянув в сторону длинноволосого паренька. На удивление, Хитоми не заметила всех кричащих изменений и продолжала доброжелательно улыбаться парню. Лишь когда глаза кузена изменились, Хитоми заподозрила неладное.

В глазах слепца появилось очертание зрачка, вот только какое-то необычное. От век симметрично разошлась вздувшаяся сеть. Хитоми зачаровано приоткрыла рот, она могла думать только о том, как выглядит активированный бьякуган... Пока волна эмоции не накрыла с головой, вызывая приступ паники. Воздух сперло, а тело с нарастающей силой начало прожигать изнутри.

Все прекратилось так же быстро, как и началось. Поникшие плечи девочки скрипели от давления, кратко бросив взгляд Хитоми поняла, что Жина снова стоит за её спиной и вливает медицинскую чакру.

- Мой отец, мертв, - отозвался голос ребенка.

Когда Хитоми вновь посмотрела в лицо брата - бьякуган был обычный. Серые пряди подхватил ветер, прикрывая часть лица химе, а открытый дымчато-голубой глаз непонимающе всматривался в лицо шатена. Она не знала этого...

- Соболезную, - Хитоми ненавидела это слова, но в знак приличия сказала. Для нее всегда было лучше молчание... Но сейчас она не нашла ничего лучшего.

- Госпожа Хитоми, вам надо отдохнуть, - настойчивей, чем обычно высказалась ирьенин. Пусть в голосе девушки проскользнули даже повелительные нотки, бледная девочка чувствовала себя взаправду неважно.

Память этой жизни была слишком короткой, а она так долго спала... Странно, что с прошлого мира был похожий мультик, что смотрел её внук. Но фрагменты той мозаики медленно вспоминались, переходя в приступ. Так она немного знала про Хинату, что скоро ей понадобится её поддержка. До этого времени, Хитоми хотела встать на ноги в буквальном и переносном смысле. Ханابي оставалась еще пробелом в памяти, как и многие соклановцы, которые не вызвали приступ воспоминаний. Память своенравно выбирала человека, как только что-то провоцировало её, она выдавала информацию. Правда, весьма не своевременно. Например, как сейчас. Буквально после атаки бьякуганом, в голове пронеслась пленка событий - дядя Хизаши умер за главную ветвь. Вспомни она раньше, то не ковырялась бы в старой ране. Но знания не умолили возникшей пустоты в груди. Когда она была маленькой, то любила дядю Хизаши.

- Да, вы правы Жина-чан. Давайте по пути заедем к маме, я хочу её увидеть. - Грустно проговорила именинница, устало потеряв весок. Коляска замерла, но вскоре ровно покатилась

вперед.

- Хитоми, подожди.

По голосу кричала Хината, а вскоре брюнетка поравнялась с коляской сестры.

- Это... может в другой раз пойдешь? Тебе и вправду надо отдохнуть.

Хитоми нахмурила брови. Что происходит?

- Нет, Хината, я слишком долго ждала. Наконец-то я могу поговорить с каждым из вас. К отцу я отправлюсь позже, а вот то, что мама не приходит - меня это беспокоит. - Уверено проговорила больная, предупреждая поглядев на ирьенина. Жина осталась холодна.

- Да, - сдалась старшая наследница. Она уже два года не заходила в покои матери и сейчас Хината не могла придумать, как оттянуть неприятный момент.

Хьюга Неджи сидел за праздничным столом, наблюдая за ситуацией. Для него это была своеобразная тренировка по контролю эмоций. Из-за личной предвзятости, парень оценивал её как минимум «В» ранга, но потом эта миссия резко возросла в «А».

За долгое время Неджи наконец увидит пропавшую дочь главной ветви. Весь клан жужжал как улей, обсасывая пробуждение второй наследницы. По истечению четырех с половиной года, после инцидента, многие не верили, что девочка еще жива. Успели позабыть о её существовании, другие обсуждали официальные похороны, поэтому весть о резком пробуждении подняла волну недоверия. Информация про госпожу Хитоми, что хранил весь госпиталь, была скудна. Единственное, что он знал: она жива, очень больна и идет на поправку. Это была одна из причин явки на праздник...

Взвинченный шатен, скрестив руки на груди, ждал вторую именинницу. Услышав специфический звук, Неджи повернул голову. Внутренне содрогнувшись, мальчик увидел очень бледную девочку, к которой солнечные лучи не прикасались много лет. Волосы серебряными нитями блестели на солнце, но преобладал знакомый ему белый оттенок. Большая часть серости делали девочку слабой и больной, впрочем, какой она и являлась. Спокойное лицо с легкой улыбкой, а глаза отличались от тех, что он помнил - пронзительные дымчато-голубые завораживали. Он привык к серому, белому или лавандовому оттенку для бьякугана, но такой видел впервые. Лунный свет...

Он узнавал Хитоми - в тоже время нет. Память упорно накладывала образ веселой и жизнерадостной кузины, а перед ним сидела оболочка прежней Хитоми. Сидела... обратив внимание на инвалидное кресло, которое катила некая женщина из клана, Неджи поджал губы. Внутреннее ликование, кричало о крупнице мести главной семье, но добрая память стала жалеть бледную копию Хинаты. Такова её судьба - вторил разум!

Мизерные попытки калеки возымели успех - за столом стало чуть комфортнее. Показалась тень прошлого, промелькнула перед глазами, но нет, ничего не могло быть прежним...

От Неджи не укрылось и то, как опасалась притронуться к еде принцесса. Хитоми которую он знал, никогда не отказывалась от сладкого... Неужели надо было приглашать за стол побочную ветвь, если она так не желала разделить с ними десерт? Вот оно лицемерие главной семьи. Огонек злости спиралью закрутился в груди молодого гения. Встретившись с лунным глазами Хитоми, он читал в них снисходительность и понимание. Огонек грозил превратиться в пожар. Неджи раздражал этот взгляд, причинял боль больше, чем активированная печать. Хмурясь,

шатен постарался успокоиться.

- Хината-чан, ты не знаешь случайно, отец сегодня очень занят?

- Ну, он всегда занят. Просто...

- Просто сейчас больше, чем обычно. – Спокойно закончила за сестру Хитоми. – Я понимаю. Все нормально.

Завязавшийся разговор между двумя химе, заставил прислушаться.

- Да, - тихонько подтвердила брюнетка, а в слепых глазах зажглась дымка грусти.

- А как же дядя? Я так давно его не видела. Неджи-кун, прости, из-за нашего отца, твой наверно постоянно занят.

Как она посмела? Как она посмела упоминать об отце, когда главная семья виновата в его смерти? Улыбается, тот же всепрощающий взгляд – Хитоми издевается над ним! Ненависть забурилась, вырываясь в незапланированный всплеск чакры. Бьякуган самовольно активировался, ведомый эмоциями он просканировал наследницу. Женщина моментально оказалась за спиной белокурой кухни, отрезвляя Неджи встречной атакой глаз.

Получив своеобразную пощечину, парень чуть успокоился и замер уже от увиденного безобразия. Вся система циркуляции чакры Хитоми была ужасна! Сбившиеся ритмы, в хаотичном порядке атаковали девочку изнутри, лишь медицинская чакра заполняющая каналы химе, защищала от большего разрушения. Неджи никогда не видел такого... Взгляд парня дрогнул и ретировался к истоку. Он смог выдавить ответ:

- Мой отец, мертв.

Кожа Хитоми посерела, а под глазами залегли тяжелые тени. Седые пряди подхватил ветер, прикрывая часть лица химе, а открытый дымчато-голубой глаз непонимающе всматривался в лицо шатена. Точно, она не могла этого знать...

- Соболезную, - сипло отозвался голос кухни. На мгновение Неджи стало совестно, но дурная ярость затолкала жалось куда подальше. Для него она осталась представителем главной ветви. Беспольной и слабой, которая живет, а его отец гниет в сырой земле за пределами Конохи!

Хитоми одиноко сидела в полумраке. Хоть она и устала, но новый хаос не давал заснуть спокойно. Вернувшись в свою палату, девочка прокручивала воспоминания:

"Когда она въехала в комнату мамы, то застала тяжелую пустоту. В комнате почти ничего не изменилась с того момента, когда она была маленькой. Все те же фишечные стены, деревянная кладка пола, уютный диванчик с лимонно-фиолетовым рисунком, низкий столик с парой подушек возле окна (на нем ждала часа кисть для каллиграфии и рисовая бумага). Вазы, что обычно ломались от цветов, были пусты. Хитоми не заметила пыли, но чувствовала, что комната потеряла свою душу.

Тогда беловласка и заметила низкий столик с фотографиями в рамках, одна из них была больше остальных, а рядом стояла некая палочка. Этого она не помнила...

- Хината? – вопросительно посмотрела на сестру больная.

- Мамы больше нет. - Коротко ответила Хината, которая так и осталась стоять на пороге, не решаясь зайти в комнату.

- Что произошло? - слишком спокойно, чем ожидалось, уточнила Хитоми.

Хината не спешила отвечать, поэтому Хитоми была рада, когда в разговор вклинилась Жина Хьюга.

- Вторые роды были тяжелые. Мива-сама не смогла восстановиться полностью и стала угасать. Такое иногда случается..."

Сейчас держа в руках фотографию, где красивая женщина с длинными иссиня-черными волосами улыбалась, обнимая двух трёхгодовалых близняшек, с лунного бьякугана сорвались кристальные слезы утраты.

Она помнила её живой, а внезапные порывы осколков памяти молчали... Миву и Хиаши, она воспринимала как своих родителей, но помнила и о прошлых. Из-за этого ей больше всего хотелось нормальной любящей семьи. Дядя Хизаши умер за клан и своего брата. Неджи стал абсолютно чужим и отстранённым, пылающий ненавистью к главной ветви. Ханаби просто не воспринимала её, а Мива Хьюга, мама, умерла и на эти случаи, осколки прошлого, не спешили делиться подробностями. У нее оставалась Хината, которая была добра и внимательна. Вот тут осколки раз за разом открывали Хитоми подробности её предположительного будущего. И оно ей не нравилось! Оставался отец, чья строгость равнялась с тиранией. Но, быть может, у неё получится что-то исправить?!

Утерев успевшие подсохнуть слезы, Хитоми улыбнулась портрету мамы.

- С днем рождения, Хитоми! - поздравила беловолосая принцесса себя от лица матери. Помедлив, она ответила: - Спасибо, мама...

В дверь постучали. Хитоми от неожиданности прижала рамку к груди и большими глазищами уставилась на вошедших.

- Хитоми-чан, к тебе посетитель, - легкая полуулыбка бабушки Хотару, чуть сбила внутреннее напряжение девочки. Хоть в ней и теснилась взрослая душа, но тело оставалось детским и капризным, не принижая болячки.

Треснул выключатель и в комнате зажглась лампочка. Опустив рамку на одеяло, ребенок стал тереть глаза маленькими кулачками. После чего удивленно воззрилась на незнакомого старика рядом с главой медицины.

- Хитоми-сама, я один из Старейшин нашего клана, Хьюга Акио. - Представился тот. - Пришел выразить свое почтение. Поздравляю вас с восьмилетием. Крепчайте и идите на поправку, клан нуждается в вас.

Обременённая тяжёлыми мыслями, Хитоми скептически взметнула брови вверх. Чуть накренилась в бок, чтобы посмотреть на лечащего врача. Хотару-сан что-то не светилась энтузиазмом... Ой, что происходит? Неужели что-то интересное? Как назло думать совершенно не было сил. Она и вправду устала...

Остекленевшие глаза упрямо смотрели на непрошеного гостя, желая, чтобы тот скорее удалился. Вся болтовня старца заезженной пластинкой прошумела мимо сознания. Когда он замолчал, девочка заметила не сразу. Хриплое покашливание пожилого мужчины растрясло её

со второй попытки. Дернувшись, Хитоми обессиленно выдохнула:

- Спасибо Вам, уважаемый Старейшина. Мы обязательно все решим, но сейчас я очень устала.

Хитоми снова прижала к груди портрет. Повернувшись набок, девочка не видела, как в изумлении расширились глаза обоих Старейшин. Одного колотило от смеха, другого от раздражения.

<http://tl.rulate.ru/book/90700/3315747>